

По-видимому, интенсивное зарывание кладов не всегда приходится на время наибольшей опасности, а в некоторых случаях может отражать локальные явления сравнительно скромного масштаба (не главное вторжение славян в Элладу в 578/9 г., а действия отдельных отрядов, ворвавшихся или врывающихся в Афины).

Кстати сказать, используемые Меткалфом монетные комплексы — не всегда клады. Он сам остроумно показал, что большое количество медных 20-нуммиевых монет, найденных на сгоревшей афинской мельнице, не было запрятано сознательно, перед лицом грозящей опасности: их обнаружили не под полом, а на полу, где они, видимо, рассыпались, когда во время пожара опрокинулся стол с вырубкой мельника («Hesperia», p. 140). Выход этих денег из обращения не связан с зарыванием клада.

Итак, к выводу Меткалфа надо сделать одну оговорку: клады в какой-то мере отражают нарастание политической опасности, но отражают не адекватно. Не всегда и не везде увеличение числа кладов — неременный признак нарастания политической опасности, и наоборот, было бы рискованным, например, предполагать, что сокращение числа кладов в конце VII и VIII в. — показатель стабилизации внешнеполитического положения империи.

Помимо неадекватности отражения политической ситуации в числе кладов, следует учитывать еще одно обстоятельство: чтобы терять и зарывать деньги, надо их иметь. Я хочу сказать, что с уменьшением количества денег в обращении уменьшается и количество зарываемых кладов (а особенно количество зарываемой и теряемой монеты). Иными словами, обилие оставшейся от столетия (или от города) монеты есть — в грубых чертах — свидетельство экономического подъема. Конечно, множество обстоятельств способно затемнить картину, и все же подобная постановка вопроса является правомерной.

Меткалф касается экономической истории лишь попутно, однако его выводы весьма существенны. Он обращает внимание на то, что в кладах начала VII в., обнаруженных на островах и на побережье Эгейского моря, встречаются (и подчас в большом количестве) монеты, чеканенные на монетных дворах восточных городов империи. Он считает это показателем размаха морской торговли на Эгейском море в начале VII в. («Annual», p. 20). Он признает далее спад (a low ebb) византийской монетной чеканки в эпоху между Константином II и Василием I (стр. 18) и соответственно говорит о возрождении провинциальной торговли (прежде всего приморских центров) с IX в. (стр. 14)⁴.

Значение работ Меткалфа не только в тщательном анализе отдельных монетных комплексов, но и в реабилитации монеты как исторического источника.

А. К.

КЕРАМИКА И СТЕКЛО ДРЕВНЕЙ ТМУТАРАКАНИ

М., 1963, стр. 187

До недавнего времени история Тмутаракани оставалась почти совершенно туманной. И не удивительно: разрозненные свидетельства русских и греческих письменных источников не позволяли составить сколько-нибудь целостную картину, а таманская экспедиция 1930 г. дала крайне незначительный материал¹. Систематические раскопки 1952—1955 гг. под руководством Б. А. Рыбакова в какой-то мере восполнили этот пробел; рецензируемая книга и является первой, пока еще предварительной попыткой классифицировать, оценить и осмыслить накопленные данные.

Книга эта — не систематический обзор, не монография, но сборник статей, написанных участниками раскопок. Центральная статья сборника, принадлежащая С. А. Плетневой, посвящена средневековой керамике из Таманского городища (стр. 5—72). Автор не ограничивается типологией таманской керамики, но на основании типологического анализа предлагает периодизацию истории Тмутаракани V—XV вв. Плетнева выделяет следующие 6 периодов (стр. 63): послегуннский (V—VII вв.), хазарский (VIII—первая половина X в.), русский (вторая половина X—XI в.), половецкий (XII—первая половина XIII в.), татарский (середина XIII—начало XIV в.), генуэзский (XIV—XV вв.).

Послегуннский период в Тмутаракани отличается сохранением позднеантичной керамики. По-видимому, критические события IV столетия не привели к перелому в истории материальной культуры города, оказавшегося сравнительно мало затрону-

⁴ См. об этом также Д. М. Metcalf. The New Bronze Coinage of Theophilus and the Growth of the Balkan Themes. «American Journal Society Museum Notes», 10, 1962.

¹ А. А. Миллер. Таманская экспедиция ГАИМК. «Сообщ. ГАИМК», 1931, № 1. Ср. еще И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII вв. на Дону и Тамани. МИА, 6, 1941.

тым гунским набегом в Причерноморье. Плетнева полагает, что с VI в. Гермонасса — Тмутаракань снова находилась под византийской властью.

Второй период начинается с захвата города хазарами в конце VII в. Археологически этот период характеризуется распространением салтово-маяцкой керамики: лепные кувшины и миски заменяются великолепными лощеными сосудами, сделанными на кругу. Плетнева говорит в связи с этим о «появлении в городе ремесла» (стр. 66). «Ремесленные гончарные мастерские возникли здесь в VIII в. по инициативе пришедших вместе с хазарскими властями новых поселенцев» (стр. 67).

Время русского господства совпадает с упадком ремесла и торговли в Тмутаракани: из торгового города она превращается в военный пост. По словам Плетневой (стр. 69), «в XI в. связи (Тмутаракани) с Византией ослабели или даже совсем заглохли». Напротив, после ухода русских (в начале XII в.) растет население города, улучшается керамика, оживляются торговые связи с Византией и Херсоном. В половецкий период исчезают сосуды, свойственные кочевникам; половцы, оседавшие в Тмутаракани, пользовались той же посудой, что и основное население города (стр. 71 и сл.).

В татарский период город оставался крупным торговым центром, но под властью генуэзцев замечаются следы «затухания жизни» в нем. В конце XV в. Тмутаракань была взята турками и стерта с лица земли.

Такова стройная и новая концепция, обоснованная Плетневой преимущественно на керамическом материале. Нет нужды специально подчеркивать важность этого первого опыта периодизации истории Тмутаракани, однако естественно, что некоторые положения автора представляются пока еще спорными, недостаточно аргументированными. Попробуем проверить их на доступных в настоящее время археологических и письменных материалах.

Прежде всего, неясно, как переход от позднеантичного города (если считать, что до конца VII в. Гермонасса — Тмутаракань оставалась позднеантичным полисом) к хазарскому мог сопровождаться «появлением (!) ремесла» или хотя бы просто его расширением. Если мы обратимся к статье Н. П. Сорокиной «Позднеантичное и ранне-средневековое стекло с Таманского городища», опубликованной в рецензируемом сборнике (стр. 134—170), то перед нами обнаружится несколько иная картина: по мнению автора, «после IV—V вв. спрос на стеклянную посуду у населения города сводится до минимума» (стр. 160); стекло VI—VIII вв. значительно хуже по качеству и встречается редко.

Таким образом, данные о раннесредневековом стекле в какой-то мере противоречат выводу о сохранении позднеантичных устоев до VIII в.: если судить по находкам стекла, упадок города был замечен уже в VI в. Сейчас еще рано выносить окончательный вердикт — я хотел бы только обратить внимание на противоречивость результатов, полученных Плетневой и Сорокиной. Но если город действительно переживал упадок в VI—VII вв., становится понятным, почему хазарское завоевание могло привести к подъему экономики.

Недоумение вызывает и оценка Плетневой экономического развития Тмутаракани в X—XI вв. Вправе ли мы говорить о прекращении византино-таманской торговли в эти века? Весьма сомнительно.

В том же сборнике мы найдем статью В. В. Кропоткина о византийских монетах из Тмутаракани (стр. 175—185). Из табл. 1 видно, что основная масса найденных в Тмутаракани византийских монет (в том числе херсоно-византийских и подражаний милиарисиям) относится именно к X—XI вв. [таблица Кропоткина несколько смещена: к монетам X в. причислены монеты X—XI вв.: а) серебряная монета Василия II (976—1025) или Михаила VII (1071—1078); б) анонимные монеты X—XI вв.; в) подражания милиарисиям Василия II].

Но в последнее время к нумизматическим данным стало модным относиться скептически — обратимся к свидетельствам археологии. Т. И. Макарова специально обследовала поливную керамику Таманского городища (стр. 73—95), значительная часть которой — импорт из Византии. По материалам Макаровой, белоглиняная посуда с желтой и зеленой поливой (IX—X вв.) представлена в Тмутаракани небольшим числом экземпляров — куда обильнее находки красноглиняной посуды с орнаментом врезной линией (граффиты), датированной XI—началом XII в. Из описанных автором фрагментов византийской керамики 7 отнесены к IX—X вв., 14 — к XI—началу XII в., 25 — к XII—XIII вв. Макарова прямо говорит о «малочисленности» фрагментов поливной посуды IX—X вв. (стр. 77). Правда, стремясь согласовать свои наблюдения с выводами Плетневой, она пишет в другом месте (стр. 94): «XI в. — время существования русского Тмутараканского княжества — совпадает с сокращением ввоза византийской посуды», но эти слова Макаровой противоречат ее собственным данным: ввоз поливной керамики скорее увеличивается в XI в., чем сокращается.

Наконец, тезис Плетневой о прекращении византино-таманской торговли в XI в. не подтверждается и материалом статьи Ю. Л. Щаповой о стеклянных изделиях средневековой Тмутаракани (стр. 102—133). Основное внимание Щапова уделяет стеклянным браслетам, среди которых немало чисто византийских или имеющих аналогии

в находках в Коринфе и Болгарии. Основная масса браслетов (в том числе 62% византийских) относится как раз к X—XI вв., и хотя автор оговаривается, что ритм производства браслетов в Тмутаракани не зависел от внешних обстоятельств, все же полученные Шаповой цифры плохо согласуются с концепцией Плетневой о замирании связей Тмутаракани с империей в X—XI вв. И сама исследовательница стекла относит Византию первое место среди областей, связанных с торговлей с Тмутараканью «русского периода» (стр. 125).

Кстати, говоря о византино-таманских связях XI в., нельзя не вспомнить о греческом надгробии строителя Иоанникия, точно датированном 1078 г.² Это во всяком случае не свидетельство замирания связей.

Если вопрос о политической принадлежности Тмутаракани в XI в. не вызывает сомнений³, то безоговорочное признание города в XII в. половецким не кажется мне достаточно обоснованным. Ни Плетнева, ни кто-либо другой из авторов сборника не останавливается на гипотезе о византийском владычестве на Тамани в XII в. В пользу этой точки зрения, опирающейся на письменные источники, можно привести теперь и некоторый археологический материал. Я напомним, что именно на XII в. приходится основная масса фрагментов византийской половины посуды⁴; самое исчезновение кочевнической керамики в XII в. лучше согласуется с византийским, нежели с половецким, господством.

Впрочем, установление византийского господства над Тмутараканью (если оно было) вряд ли сопровождалось значительным упрочением экономических связей; во всяком случае бросается в глаза отсутствие на Тамани византийской монеты XII в.

Все эти сомнения и критические замечания ни в коей мере не имеют целью поколебать значение рецензируемого сборника. Сборник впервые дает возможность представить себе целостную историю Тмутаракани — отдельные белые пятна в этой истории вполне закономерны на данном этапе ее изучения. Я не говорю уже о множестве более частных интереснейших наблюдений, например выделение локальных особенностей материальной культуры разных районов Тмутаракани, что отражало этнические различия населения города (стр. 69); вывод о таманском происхождении подражаний милиарисиям Василия II (стр. 178); постановка вопроса о двух центрах производства ранней византийской поливной посуды (стр. 77).

А. К.

O. TEMKIN. BYZANTINE MEDICINE: TRADITION AND EMPIRICISM.

„Dumbarton Oaks Papers“, XVI, 1962, p. 95—115

История византийской медицины пока еще не написана, не выполнена и подготовительная — издательская и монографическая — работа: нет исследований, посвященных отдельным медикам. Не удивительно в этой связи, что историки этой науки в общих курсах обычно покидают византийскую медицину на самом раннем этапе ее развития¹. Тем большего внимания заслуживает очерк О. Темкина: несмотря на признанную самим автором неполноту² и известную хронологическую нечеткость в изложении (так, на стр. 114 он объединяет в одном абзаце медицинскую литературу V, XI и XIII вв.), перед нами попытка систематического изложения истории медицинских взглядов и лечебных учреждений в Византии, предпринятая человеком, использующим греческие и арабские источники, в том числе арабские рукописи Британского музея (стр. 103).

Темкин выделяет два периода в истории византийской медицины. Первый приходится на IV—середину VII в., второй простирается от середины VII в. до падения империи. Гранью, отделяющей эти два периода, Темкин считает захват арабами Александрии, важнейшего медицинского центра поздней Римской империи, и превращение

² Е. Ч. Скрябинская. Греческая надпись из Тмуторокани. ВВ, XVIII, 1961, стр. 74 и сл.

³ См. последнюю работу: А. Л. Монгайт. О границах Тмутараканского княжества в XI в. Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963, стр. 54 и сл.

⁴ Византийские изделия обнаружены и при раскопках поселения XI—XII вв. у хутора Казачий Ерик в дельте Дона (см. А. В. Гадло. Поселение XI—XII вв. в дельте Дона. КСИА, 99, 1964, стр. 40—45).

¹ См., например, Ф. Р. Бородулин. История медицины. М., 1961, стр. 122 и сл.; М. П. Мультановский. История медицины. М., 1961, где гл. 5 называется «Медицина в Византии и арабских халифатах» (sic!).

² Особенно досадный пропуск — отсутствие описания медицинского факультета в константинопольском Храме св. Апостолов XII в. См. об этом (в сопоставлении с другими сведениями о медицине XII в.) Е. Э. Липшиц. Византийская сатира: «Тимарион». Предисловие. ВВ, VI, 1953, стр. 363 и сл.